

УДК 008

**ПОСТВИРТУАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК:
ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ?**

© 2014 г.

*А.Н. Фортунатов,¹ А.В. Бокова,² В.И. Егоров¹*¹Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского²Томский государственный университет

anfort@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2014

Дается анализ факторов, свидетельствующих о возникновении в социальном и культурном пространстве нового типа человека. Этот человек воспитан на принципах сетевого интернет-взаимодействия. При этом он стремится перейти к реальной коммуникации с другими людьми.

Ключевые слова: социальная коммуникация, сетевая коммуникация, Интернет, поствиртуальность, интерфейс.

Характерная картина современной коммуникации: небольшая группа молодых людей, уткнувшихся в свои компьютеры и планшеты, собравшаяся в одном месте, поражает стороннего наблюдателя абсолютным отсутствием интереса друг к другу. Контраст с социальным взаимодействием весьма отчетлив: теперь люди ориентированы на свои гаджеты. К социальному партнерству в «открытом виде» они не проявляют видимого интереса (возможно, это партнерство в сети, с его специфическими формами). Их объединяет возможность доступа. Бесплатный Wi-Fi.

Технический канал коммуникации, вернее, его жесткая и универсализированная алгоритмическая логика, заменяет собой императивы былой социальной коммуникации: направленность на партнера, эмпатию, готовность слушать и слышать, когерентность субъективных ощущений от окружающей субъектов действительности. Точнее сказать, это не замена этики, а предельное ее упрощение, позволяющее редуцировать сложные гуманитарные проблемы до элементарных схем, обеспечивающих конкретную цель – доступ.

Пространственно-временные и этические координаты такого специфического «присутствия» ярко иллюстрируют существенные трансформации именно в понимании бытийного существования субъекта. Как говорит Маурицио Феррарис, основной вопрос сегодня для пользователя мобильного телефона, превратившегося в полномасштабный канал связи с окружающим миром, – это вопрос «Ты где?» [1]. Проявляющаяся через этот вопрос деонтологизация современного социального пространства, о котором уже достаточно давно говорят исследователи, таким образом, осуществляется на различ-

ных уровнях: субъективном, социальном, профессиональном, культурном и т. п. [2]. Другими словами, присутствие осуществляется не через личностное ощущение, а по навязанной схеме, извне полученной человеком.

Дигитализация социальных отношений становится важнейшим фактором при формировании «новой социальности». Современная социальная парадигма базируется на объединении виртуального и реального человеческого существования и транслируется через коммуникативные процессы, местом локализации которых становится город. Происходит популяризация новых форматов досуга и коммуникации. Появляются направленные на различные целевые аудитории таймкафе и антикафе, коворкинги и публичные пространства. Необходимым условием таких мест является беспроводной доступ в Интернет, комфортная и демократичная среда.

Феномен, вернее, состояние «доступа», таким образом, становится синонимом человеческой свободы в онтологическом ее понимании, т. е. как идентификационная характеристика человека, дающая ему возможность, собственно, ощущать себя человеком, социально активным существом. Переход в «реальное» социальное пространство становится косвенным отражением несвободы – состояния без «доступа», которое формирует «однобокость» человеческого существования. «Доступ» становится психологическим (а не только технологическим) фильтром, который обеспечивает связь поствиртуального человека как с привычным для него миром сетевого информационного пространства, так и с миром социальной реальности, которая, впрочем, анализируется через технологические критерии.

Субъект современной культуры, заслуживающий отдельного внимания, – это «поствир-

туальный человек», чьи этические и психологические установки сформированы присутствием в виртуальном пространстве, что, в свою очередь, оказывает определенное влияние на социальное поведение «в реальной жизни». Новые городские публичные пространства, предназначенные для реальной коммуникации, отнюдь не способствуют «выходу из виртуального мира».

Простое любопытство привело человека в Интернет, который поглотил его и привязал. Отметим такие формы зависимости, как привыкание к социальным сетям, он-лайн играм, веб-серфинг. Причинами этих зависимостей становятся человеческие комплексы (отсутствие навыков общения, боязнь показаться смешным, отсутствие социального статуса) и фобии (страх одиночества – аутофобия, страх остаться без связи – номофобия и многие другие). Возможность быть кем угодно в Сети, придумывать и создавать свой образ, остается привлекательной для многих пользователей. В то же время появляются люди, для которых испытанием становится неожиданный телефонный звонок, возможность вмешательства в личную жизнь или мания преследования, появляются различные виды технофобии. Такие люди полностью отстраняются от Интернета или ограничивают свое пребывание в нем.

Концепт «поствиртуального человека» формулируется на основаниях, по которым строится взаимодействие с Интернетом и виртуальным миром. «Поствиртуальный человек» – это человек, использующий возможности Интернета и новых медиа в качестве инструмента для решения реальных проблем и задач. Примерами таких активностей становится появление различных общественных объединений, которые посредством интернет-сервисов и сайтов пытаются решать городские и социальные проблемы (федеральный проект «СтопХам»), организуют поиск пропавших детей (Добровольный поисковый отряд LizaAlert), занимаются благотворительными проектами (Благотворительная акция «Старость в радость» в Томске), облагораживают и убирают городские улицы (Томское сообщество «Странные люди, которые хотят видеть свой город чистым»), движение за защиту исторических памятников в Нижнем Новгороде. В сфере современного искусства использование новых медиа становится трендом как в создании объектов искусства, так и в способах потребления. В этом смысле можно говорить о потребности и возможностях в самореализации как немаловажном мотиве для «поствиртуального человека».

Однако одними из самых негативных характеристик такого рода коммуникации являются

отсутствие человечности, социопатия, как распространённый психологический и мировоззренческий базис в отношении человека к социальному пространству. Социальные проекты, рожденные в Сети, несут на себе серьезнейшую печать технологического антигуманизма. В них отчетливо проявляется прагматический детерминизм, который в конечном итоге базируется на отрицании права человека на субъективную самоидентификацию: маркетинговые технологии превалируют над технологиями социокультурного информационного взаимодействия, эмоциональное отрицание человеческого достоинства (флэмминг, троллинг как «привычные», «нормальные», даже «нормативные» форматы коммуникации) выглядят более «эффективным» по сравнению с «технологиями» эмпатии, социальной солидарности, доверия, человечности в широком понимании этого слова.

Важнейшим критерием сегодняшнего развития коммуникации является эффективность и прагматизм: умение добиться искомым психологических и социальных эффектов за счет минимальных затрат. Такие «приоритеты» формируют новое качество гуманизма – «техногуманизм», который по онтологическому своему статусу не может заменить собой всю палитру человеческого бытия [3]. Насколько техногуманизм может удовлетворять даже минимальные потребности в социальном взаимодействии всего общества?

Одной из иллюстраций роста неудовлетворенности со стороны общества «эффективными проектами», рожденными по логике Сети, является резкий спад интереса к упоминавшимся акциям по социальной мобилизации, рожденным в недрах сетевого коммуникативного взаимодействия – «СтопХам», защита исторических (а чаще всего, псевдоисторических) памятников от сноса для строительства на их месте современных микрорайонов в мегаполисах и т. п. Прежде всего потому, что декларируемые задачи не совпадают с социально-политическими результатами. Другими словами, борьба за справедливость, которая привлекает людей, оборачивается банальными финансовыми договоренностями между конфликтующими сторонами. При этом не закрываемая лишь сетевой логикой тяга людей к реальному социальному взаимодействию остается, и это обстоятельство не может не учитывать виртуальная среда, поскольку именно она является на сегодняшний день наиболее институционализированной, упорядоченной, готовой к социокультурной реакции. При этом предложить новые, не технологизированные, т. е. не направленные внутрь виртуальной среды, а социализированные (вовне), учитывающие де-

финиции реального социального бытия, она не в состоянии, поскольку это означает в конечном итоге отрицание ее самой.

Современность характеризуется рядом исследователей как постпостмодерн. В частности, О.А. Митрошенков выделяет «четыре компонента постпостмодерна: 1) виртуализация пространства социальных взаимодействий, 2) создание технообразов, служащих своеобразными аттракторами социальных взаимодействий, 3) «глокализация» сообществ в рамках глобализации, 4) транссентиментализм.» [4]. Основным условием существования поствиртуального человека является постоянное взаимодействие виртуального и реального, интерактивность. Основным результатом деятельности поствиртуального человека является создание технообразов как «объектов виртуального становления» [5, с. 438].

Но именно эти образы в конечном итоге начинают формировать реальную социальность, которая, в общем, не удовлетворяет ее прародителей (фрустрированность, недовольство социальными условиями, готовность оценивать их с точки зрения упоминавшихся конструкций флэминга и троллинга). Важнейшей потерей современного поствиртуального человека является утрата уважения, способности к сопереживанию, ощущения личной важности и ответственности от присутствия в пространстве субъекта Другого. Отсюда ощущение одиночества, потерянности в социальном пространстве, тотального недоверия к любым человеческим проявлениям.

Социальность начинает трансформироваться в социальную технологичность: слово подменяется схемой и визуальной иллюстрацией, мысль – алгоритмами поведения, чувство – интеракциями в сетевом информационном взаимодействии. Однако базовые человеческие проявления (любовь, экзистенциальный страх, потребность в культурном развитии) остаются в онтологическом их статусе, пусть и трансформируясь в рамках определенных социальных условий. По сути, поствиртуальный человек ставит имплицитный вопрос: а нужна ли социальность вообще? Ведь в конечном итоге критерием всего в мире служит мое Я, а окружающие меня люди – суть лишь «материал», «фон», «безликая масса», не имеющая права на личные чувства, эмоции, страдания и человечность. Личностная ипостась человека сконцентрировалась в нем самом. Личностное взаимодействие с Другими стало синонимом взаимодействия человека с компьютером, со счетной машинкой, механически тасующей байты информации.

Ситуация «постпостмодерна» весьма отчетливо переключается в человеческом ее измерении с эпохой позднего Средневековья, где от-

рицание человека постепенно привело к пониманию его новых возможностей, новой глубины, микрокосма.

На основе каких критериев оценки человеческой личности это может состояться? Исследователи обращают внимание на то, что никакие попытки в истории детерминировать социальный статус человека, его психику, его отношения с другими людьми не приводили к искомому результату. Фашизм, другие формы тоталитаризма, потребительский детерминизм и прочие социальные проекты сталкивались в конце концов с тем, что человек ускользал из-под, казалось бы, абсолютного контроля [4, с. 100].

Нечто похожее происходит сегодня и в ситуации с поствиртуальным человеком, когда возникает ситуация « сетевого неконформизма ». Поствиртуальность привела к девальвации информации, обесцениванию ее онтологического статуса как « мостика » между объективной и субъективной реальностями. Причем протест прежде всего направлен против каналов и социальной « упаковки » информации, превратившейся в формальном отношении в « антиинформацию » – рекламу, технологии продвижения, формирования доверия, поддержки, манипуляции и т. д.

Следовательно, новое социальное взаимодействие должно строиться по новым правилам, по новым критериям эффективности, выходящим за рамки сложившейся прагматической парадигмы. Парадокс, но прагматизм здесь превращается в тормозящий развитие фактор, и на его место приходит новая социокультурная система ценностей. Одним из ее проявлений является повышенная чувствительность, эмоции как содержательный ориентир взаимодействия. Упоминавшиеся социальные форматы («коворкинги», «антикафе») имеют важную универсальную компоненту в своем статусе. Они ориентированы на эмоциональный процесс коммуникации как на конечную цель: фрустрация сменяется ощущением вовлеченности. Принципы «доступа» в итоге трансформируются в приоритеты «доступности», априорной готовности к взаимодействию, «мягких» форм обращенности к Другому. Отсюда возникают сопровождающие эти процессы формы отказа: от массовой коммуникации, от привычных форм еды, от сетевой вовлеченности, от телевидения, от политики и т. д.

Фактически речь идет об отказе от факторов, формирующих технологический детерминизм социальных отношений. Выплескивается ли с водой ребенок? Герметизация человеческого существования, опирающаяся на защиту от технологического воздействия на онтологию, не

может не привести к ущербности самой эмпатии, социальному взаимопониманию в прежнем, классическом его понимании. Страх перед человеком, неготовность сформулировать свое отношение к Другому (к человеку, к проблеме), перевод этого отношения в формально-негуманистические и негуманитарные рамки становится неотъемлемым элементом социальной интеграции поствиртуального человека. В этом состоит еще один парадокс современной коммуникативной ситуации. Существует потребность во взаимодействии, при этом формат самого взаимодействия, будучи эмпирически прочувствован, не укладывается в устойчивые этические и социальные рамки.

Начинает проявлять себя новый навык, неведомый прежнему человеку. Виртуальность мышления и социального поведения привела к тому, что объектом взаимодействия становится не только реальный субъект, но и, прежде всего, интерфейс, цифровая оболочка, компьютерная программа, которая вступает с поствиртуальным человеком в привычный для него диалог, где есть вопросы и ответы, динамика отношений, – словом, почти все, что содержится в реальной социальной коммуникации. Специфика этого диалога такова, что в адрес интерфейса (экрана) могут посылаться какие угодно эмоции, призывы, императивы. В ответ ожидаются стандартизированные и универсализированные ответы, которые лишены энергии и тепла человеческой субъективности. Виртуальный человек не обращал на этот изъян в коммуникации должного внимания, но поствиртуальный начинает ощущать ущербность своего собственного Я в одностороннем общении, которое энергию обратного влияния заменяет сглаженной интерактивностью, в котором синергия обмена мысля-

ми отменяется самим фактом безличности (безразличности) ответов интерфейса.

Безличность интерфейсного диалога есть важнейший мотивирующий фактор. При этом поиск универсализированности и унифицированности в социальном общении становится имплицитной интенцией поствиртуального человека.

Таким образом, мы можем наблюдать удивительную картину – движение в противоположные стороны Человека и Машины, их отталкивание друг от друга, неготовность к дальнейшей интеграции на основе принципов трансгуманизма. Поствиртуальный человек, при всей ужасающей убогости его социального бытия, таит в себе надежду на гуманистический сценарий развития социума.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта, финансируемого Фондом конкурсной поддержки студентов, аспирантов и молодых научно-педагогических работников ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Список литературы

1. Феррарис Маурицио. Ты где? Онтология мобильного телефона / Пер. с итал. Тименчик К., Устюжаниновой М. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
2. Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2009.
3. Фортунатов А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2009.
4. Митрошенков О.А. Что придет на смену постмодернизму? // Свободная мысль. 2013. № 3 (1639). С. 125–131.
5. Лексикон nonклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. Бычкова В.В. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 607 с.

POST-VIRTUAL HUMAN: IS THERE ANY HOPE FOR THE SOCIO-CULTURAL REVIVAL?

A.N. Fortunatov, A.V. Bokova, V.I. Egorov

An analysis of factors indicating the emergence of a new type of a human in a social and cultural environment is presented. This particular type of a human has been brought up on the principles of Internet intercommunication. At the same time he strives to shift to real communication with other humans.

Keywords: social communication, network communication, Internet, post-virtuality, interface.

References

1. Ferraris Mauricio. Ty gde? Ontologiya mobil'nogo telefona / Per. s ital. Timenchik K., Ustyuzhaninovej M. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
2. Fortunatov A.N. Vzaimodejstvie sub'ektiv social'noj kommunikacii v mediareal'nosti. N. Novgorod: Izd-vo NNGASU, 2009.

3. Fortunatov A.N. Mediareal'nost': v plenu tekhnogumanizma. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2009.
4. Mitrosheikov O.A. Chto pridet na smenu postmodernizmu? // Svobodnaya mysl'. 2013. № 3 (1639). S. 125–131.
5. Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka / Pod red. Bychkova V.V. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2003. 607 s.